

Л.В. Марченко

**ТАКАЯ ДЛИННАЯ КОРОТКАЯ
ЖИЗНЬ**

Художественно-документальная повесть

Херсон
ОЛДИ-ПЛЮС
2019

УДК 82-312.6

М30

Марченко Л. В. Такая длинная короткая жизнь :
М30 Художественно-документальная повесть. Херсон: ОЛДИ-ПЛЮС,
2019. 132 с., илл.

Художественно-документальная повесть о Василии Александровиче Василенко – из поколения победителей и созидателей. Остарбайтер в Австрии, первостроитель Новой Каховки, прораб, полковник МВД – он принял жизнь, как вызов, никогда не сдавался и уверенно шёл вперёд.

УДК 82-312.6

© Л. В. Марченко, 2019

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В австрийских Альпах

Глава 1. В Унтер-Ляусе под №378. Инженер с повадками палача. Между жизнью и смертью.

Лагерь Унтер-Ляус располагался в необычном месте – в котловине, среди высоких гор.

Колючая проволока ограждала лишь ту его сторону, где были входные ворота. С боков лагерь окружали голые, почти отвесные, гранитные скалы. А позади него находилась глубокая пропасть, внизу которой бурлил широкий горный ручей.

Солнце освещало Унтер-Ляус не более полутора часов, когда достигало зенита. И тогда горные окрестности заметно преображались: почва, вода становились кроваво-рубиновыми. Они и до этого были красного цвета, но под солнечными лучами приобретали злоеший оттенок.

Василий уже знал, что непривычную окраску почва и вода получили естественным образом: из-за бокситовых руд, залежавших на самой поверхности. Именно по данной причине и возник на этом месте лагерь Унтер-Ляус. Фашистскому фатерлянду требовалось много самолётов, корпуса которых изготавливались из алюминия. А исходным материалом для его получения была как раз бокситовая руда.

Бараки для военнопленных с восточного фронта – русских, украинцев, белорусов – были сколочены из досок. Внутри – двухъярусные нары. А вот политзаключённые – чехи, французы, итальянцы, немцы – обитали в более привилегированных условиях. Их помещения были окрашены, кровати стояли в один ряд. Такое двойное отношение к узникам объяснялось довольно просто: пленные из стран Западной Европы опекались Международным обществом Красного

Креста. Поэтому им разрешалось даже иметь переписку с родственниками, получать посылки с продуктами, одеждой и лекарствами.

Утром и вечером военнопленных и политэзков, а их в Унтер-Ляусе было до сотни человек, выводили на плац и устраивали перекличку. Не по именам и фамилиям, а по номерам. У Василия Василенко был №378.

Узники строили воздушную канатную дорогу, чтобы по ней доставлять вагонетки с бокситовой рудой на плато. А уже оттуда по горному шоссе руда переправлялась автомашинами на военные заводы в Германию.

Для канатной дороги изыскатели выбрали гору Вайс-Вассер – с наиболее покатым склоном. По откосу этой горы необходимо было обустроить фундаментные площадки для металлических вышек-опор, на которых крепился стальной канат.

Руководил строительством инженер непонятно какой национальности. Его речь была перемешана польскими, немецкими, русскими словами. И наиболее частым и выразительным ругательством в лексиконе начальника стройки было слово «лярва». Выше среднего роста, худой, с длинными руками, он походил на тощую клячу. Выделялись на его лице тонкие губы, с не сходящей презрительной гримасой. Острый нос тоже не украшал своего обладателя. И глаза у него всегда прищурены, словно божий свет был немил для них. Однако, если инженер бросался на кого-нибудь, избивая несчастного палкой или арматуриной, причём обязательно до крови, то глаза его расширялись, краснели, как у небезызвестного Дракулы. Оттого-то к нему намертво прилипло двойное прозвище: Лярва-кровопийца. А бил он людей и кричал на них беспрестанно, из-за чего белая пена в уголках его губ никогда не исчезала.

И вот этот Лярва-кровопийца однажды чуть не отправил в могилу Васю Василенко, 17-летнего парня из Херсонской области.

В то утро что-то не заладилось с установкой опалубки для бетонирования очередного фундамента. Инженер орал на работников-заклучённых, угрожал им, кое-кому перепадало прутком по спине.

Наконец поступила команда подавать бетон, загруженный в вагонетку. Василий, которому было поручено это дело, толкнул

её, и она легко покатила по узкоколейке под уклон, набирая скорость. Парнишка побежал за ней, стараясь удержать в нужном месте, но силёнок не хватило. И вагонетка, сбив ограждение над пропастью, полетела вниз. А там на деревянном щите, возле фундамента для будущей опоры, лежала кипа чертежей канатной дороги. Они, накрытые свалившимся бетоном, оказались загублены – превратились в месиво.

Василий, едва не полетевший вслед за вагонеткой, чудом зацепился за уцелевшую часть боковых перил и повис на них, держась руками за поручень. Он увидел бегущего Ляру-кровопийцу, с перекошенным от ярости лицом, с налитыми кровавыми глазами. Тяжело дыша, с пеной у рта, тот с размаху ударил металлическим прутом по перилам. Хотел врезать по пальцам Василия, но промахнулся. Удар инженера был такой силы, что перила пошатнулись, затем оторвались, и вместе с ними парнишка полетел – чуть наискосок – в пропасть.

Ему показалось, что он падал долго. Да нет, он застыл на месте. Это гранитная скала неуклонно приближалась навстречу. И вдруг – столкновение с твердью: плечом и правой частью груди. В глазах вспыхнула яркая многоцветная радуга. «Неужели это смерть? – мелькнуло в голове Василия. – Но мне так хочется жить!». За какие-то мгновения вереницей пронеслись, как на фотографиях, лица родных – мамы, отца, братьев, сестричек. «Решили попрощаться со мной? Навсегда?..». И песня, как из воздуха, неожиданно возникла:

*Чайка смело пролетела
Над седой волной.
Передай привет ты, чайка,
Матери родной...*

Вася машинально приложил руку к сердцу: биения совсем не слышно. Почувствовал, как тело начинает холодеть, а кровь застывать в венах. «Но так хочется жить! – эта мысль рефреном засела у него. – Хочется увидеть, какой она будет – долгожданная победа над врагом...».

И вдруг сердце резко толкнуло руку, по ней будто кувалдой ударило. «Я – живой! – спасительная радость тут же охватила душу Василия. – Я живой!..». И он моментально потерял сознание.

Глава 2. Дни выздоровления и воспоминаний. Первый побег. Отшельник на хуторе.

Было неясно Василию, сколько прошло времени, когда он открыл глаза. Перед ним стоял лагерный фельдшер в белом халате. Тот произнёс:

– Ну, герой, теперь будешь жить!

К изголовью приблизился товарищ Ваня Тайникевич. В его глазах застыли слёзы.

– Мы так переживали за тебя! Думали: ну всё, каюк! Но ты в рубашке родился. Удар о гранит смягчили старые листья, осыпавшиеся с деревьев. И они же тебя повлекли по склону горы. Ты юзом ударился, тебе удивительно повезло, – объяснил Ваня. – Как ты?..

Он не договорил всей фразы «Как ты себя чувствуешь?».

Василий дышал часто, грудь его вздымалась и опускалась, словно кузнечный мех. И всё же страдалец попытался отшутиться:

– Как я? Как собака, когда ей жарко, осталось язык набок высунуть...

И сразу же после этих слов признался:

– В груди будто тысячи иголок застряли, больно дышать, и воздуха не хватает.

– Ничего, встанешь на ноги! – подбодрил Ваня. – А мы о тебе позаботимся. Я хлеба и две картошины принёс. Подкрепишься...

Позднее фельдшер растолковал Василию, что его лёгкие залиты кровью, и лишь незначительный участок их остался чистым.

– Вот он-то и поддерживает твоё существование, – заключил медик.

Пленные французы снабдили пострадавшего лекарствами, и молодой организм постепенно, день за днём, начал входить в норму.

От Вани Тайникевича, курносого, улыбчивого парня, Вася узнавал лагерные новости. Строительство канатной дороги временно было приостановлено, поскольку рабочие чертежи пропали под слоем бетона. И теперь требовалось провести повторную геодезическую съёмку.

– Я тебе сразу не хотел говорить про Лявру-кровопийцу. Ты ещё очень слабый был, – признался Ваня. – Он ведь подходил к тебе, когда

ты свалился с эстакады. Из твоих ушей, рта, носа шла кровь. Лярва-кровопийца ощерился довольный и удалился – не стал добивать тебя арматурой.

Вася глубоко вздохнул, а товарищ продолжил:

– Ты бы видел этого дурного инженера тогда! Он бегал по лагерю и кричал: «Диверсия! Диверсия!..». Но люди ему доказали, что ни о каком вредительстве речи не может быть. Начальнику стройки говорили: «Ну не сумел мальчишка весом в 40 килограмм удержать вагонетку с бетоном более тонны!..». Зато все в лагере благодарны тебе: ты же затормозил бетонирование фундаментов, уничтожив чертежи!

Пока Василий, выздоравливая понемногу, приходил в себя, на него нахлынули воспоминания. О незабываемом детстве, о друзьях, о первых днях войны, которые затем растянулись на долгие чёрные месяцы оккупации.

Отец его был мастером по печному делу. А на материнских плечах – дом, хозяйство, дети. Кроме Василия, на попечении родителей находились ещё два брата Коля и Ваня да две сестры Лида и Вера. С малых лет приходилось помогать старшим, поэтому сельская ребятня росла физически крепкой, выносливой, здоровой.

В детстве Васе всё было по нраву. Любил родное село Марьяновку Ивановского района. Оно небольшое, но красивое, очень зелёное, с богатым садом. Любил ходить в школу – в село Благодатное, в трёх километрах от Марьяновки. Пока идёт с друзьями пешком, обо всём наговорится. У мальчишек как водится? Слово за слово, и посыпались разные истории – одна другой интереснее. Время в пути быстро пролетало...

В августе 1941 года в село вошли немецкие части. И всё – мирная жизнь накрылась. Через год Васе 9 августа исполнилось 16 лет. Он был рослым парнем, выглядел даже старше своего возраста, и его вместе с другими ребятами и девочками наметили отправить в Германию – остарбайтерами...

«Детство нашему поколению внезапно оборвала война, и потому оно показалось нам недолгим и счастливым», – отстранённо подумал Василий, лёжа в небольшом лагерном лазарете. И снова предался воспоминаниям. Одиночество этому способствовало.